

УДК 1(091)

DOI: 10.34670/AR.2022.95.50.002

Образы критического мышления в русской религиозно-философской мысли конца XIX – начала XX в.

Громов Егор Валерьевич

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и социологии,
Елабужский институт (филиал),
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
423604, Российская Федерация, Елабуга, ул. Казанская, 89;
e-mail: gromove@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена разработке проблемы критического мышления в русской религиозной философии XIX – начала XX в. Рассмотрев основные подходы к проблеме критического мышления, сформированные в русской религиозно-философской мысли начиная со второй половины XIX в., автор пришел к выводу о том, что в процессе ее разработки сложились два основных подхода – богословский и религиозно-философский. Первый из них интерпретирует критическое мышление как средство противостояния религиозному агностицизму, второй – как необходимое средство философского богоискания. В настоящее время интерес к проблеме критического мышления возрастает как в философской среде, так и в обществе в целом. Особенно актуальной проблема критического мышления является для носителей религиозного мировоззрения, для которых согласование их убеждений с современной научной картиной мира и современным гуманистическим мировоззрением становится по мере развития информационного пространства делом жизненной важности.

Для цитирования в научных исследованиях

Громов Е.В. Образы критического мышления в русской религиозно-философской мысли конца XIX – начала XX в. // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 5А. С. 12-19. DOI: 10.34670/AR.2022.95.50.002

Ключевые слова

Критическое мышление, русская философия, религиозная философия, социология, всеединство, религия, христианство.

Введение

Проблема критического мышления – одна из актуальнейших проблем отечественной и мировой философии на всем протяжении ее существования. Уже на заре философской мысли, в досократическую эпоху, остро встал вопрос о различении знания и мнения, подлинного и неподлинного знания, который неоднократно поднимался вновь и вновь в последующие эпохи по мере развития и совершенствования представлений о познании, его законах и принципах. Особую актуальность эта проблема обретает в конце XX – начале XXI в. в связи с формированием современного информационного пространства, которое, в невиданной доселе степени облегчая доступ к знаниям, в то же время увеличивает объем воздействующих на человека информационных потоков и повышает требования к отбору и анализу воспринимаемой информации. В последние десятилетия это свойство современного информационного поля стало активно использоваться в информационных войнах, выводя их на качественно новый уровень. Создание в промышленных масштабах клеветнических сообщений, для которых уже введено новое понятие «фейк-ньюс», воздействие на общественное мнение через социальные сети и мессенджеры, мощные пропагандистские атаки на сознание населения, предпринимаемые с использованием всех мощностей медиаиндустрии превращают современное информационное пространство в подобие минного поля, выживание на котором напрямую зависит от навыков критического мышления. Вместе с тем проблема критического мышления в современной философии не может считаться в полной мере решенной. В частности, остаются нерешенными такие проблемы, как связь критического мышления с мировоззрением и мирозерцанием человека, его связь с различными формами общественного сознания, факторы, в наибольшей степени влияющие на формирование критического мышления, и ряд других аспектов, что обуславливает актуальность дальнейшей разработки данной области.

Одним из актуальных и в то же время мало разработанных аспектов проблемы критического мышления является вопрос об интерпретации его в русской религиозно-философской мысли XIX-XX вв. Относительно малый интерес к этой стороне отечественной философской мысли, проявляемый исследователями вплоть до настоящего времени, обусловлен в первую очередь тем, что проблема критического мышления для русской религиозной философии менее значима в сравнении с проблемами исторической судьбы России или сущности человека и его места в духовном и материальном мире. Проблема критического мышления решалась российскими философами в контексте более широких проблем, прежде всего в контексте проблемы религиозных основ мировоззрения и проблемы соотношения между религией и философией. Однако именно это обстоятельство делает наследие русской религиозно-философской мысли столь актуальным для решения проблемы критического мышления в современной философии. Для русской философии принципиальное значение имело соотнесение религиозного видения мира с рациональной интерпретацией человеческого бытия. Если мейнстрим западной мысли предполагал отнесение критического мышления к сфере чисто научной рациональности, тогда как религиозность представлялась областью чистой иррациональной веры, то для русских философов именно вероучение православия было отправной точкой их теоретизирования, что предопределяло необходимость совместить следование религиозным догматам с современным научным восприятием материального мира [Карташев, 2002, 364]. Свою роль в разработке проблемы критического мышления играло и то обстоятельство, что большинство русских философов рассматриваемого периода либо работали в методологическом контексте различных школ западной философии, либо тем или иным образом находились под ее влиянием. Все это

создало предпосылки для разработки оригинальных концепций критического мышления, во многом отличающихся от таковых, выработанных западноевропейской философией. Актуальность этих концепций в наше время многократно возрастает, что обусловлено, во-первых, общим ростом интереса к идейному наследию дореволюционной отечественной философии, во-вторых, их ценностью для решения насущных проблем современного российского общества.

Философия и богословие: различные подходы к проблемам критического мышления

Для разработки проблемы критического мышления в отечественной интеллектуальной традиции характерно то, что решалась она в рамках двух тесно связанных между собой и в то же время часто противостоявших друг другу дискурсов – богословского и религиозно-философского. При этом в обоих случаях критическое мышление рассматривалось как компонент философствования. Само понятие «критическое мышление» в трудах отечественных богословов и философов употребляется редко, и его проблема существует в русской мысли в латентном состоянии. Она решается – и решается весьма активно – в рамках проблемы критической функции философии в соответствии с характерными особенностями обоих дискурсов.

Существенная разница между богословием и религиозной философией заключается в предмете познания. Религиозная философия представляет собой попытку рационального осмысления мира и человека, исходными точками для которой служат постулаты религии, воспринимаемые философом в качестве непреложной истины. Это одновременно роднит религиозную философию с богословием и отдаляет эти две области знаний друг от друга. Для богослова основания религиозного учения также не подлежат сомнению, но его целями являются их полное раскрытие и установление между ними системных связей, философия же служит методологическим подспорьем в решении этой задачи (в полном соответствии с формулой томизма, согласно которой «не подлежит сомнению, что философия – это служанка богословия (подобно тому, как Мария является рабой Господней)» [Жильсон, 1995, 6]). Среди православных богословов этот образ взаимоотношений философии и богословия был разработан отцом Георгием Флоровским, указывавшим на то, что именно отсутствие целостного философского метода стало одной из главных бед русского православного богословия, для преодоления которой ему необходимо пройти «...строгую школу христианского эллинизма» [Флоровский, www]. С другой стороны, религиозный философ решает проблемы, характерные для онтологии и антропологии (пользуясь зачастую теми же методами, что и богослов), в контексте своего видения постулатов веры.

И для богословия, и для религиозной философии проблема критического мышления всегда была одной из наиболее актуальных, но разница предметов познания и задач, решаемых данными областями знания, обусловила и разные подходы к ее постановке и решению. Для богословия критическое мышление – необходимый инструмент для сопоставления теологуменов с догматическими образцами, средство проверки религиозных идей на их соответствие нормам вероучения. Для религиозного философа критическое мышление служит средством согласования иных областей духовной культуры – науки, искусства, морали – с постулатами вероучения. Отталкиваясь от них, он выстраивает свою философскую систему. Это различие актуально именно для русской философской мысли. В отличие от религиозной

философии западного христианства, отечественная православная философия не прошла суровой школы средневековой схоластики. Более того, вплоть до XX в. пути русского богословия и русской философии, несмотря на общую идейную основу, практически не пересекались. Русские философы выстраивали свои концепции бытия и познания, опираясь на догматы православия, но ориентируясь на образцы, предоставленные западной философией, прежде всего идеалистического направления. Отсутствие богословских факультетов в университетах Российской империи, бытование духовенства как сословия, традиционное для русской дворянской интеллигенции западничество препятствовали общению представителей русской философии и русского богословия, несмотря на то, что, как отмечает отец Георгий Флоровский, пробуждение обоих направлений русской мысли происходило практически одновременно – во второй трети XIX в. – и под влиянием одних и тех же философских систем – Канта и Шеллинга [Там же]. Если религиозный философ Запада – как католического, так и протестантского – был в большинстве случаев также профессиональным богословом, то русский религиозный философ – почти всегда светский интеллигент, верующий, но не связанный напрямую с клиром. В то же время оба подхода к проблеме критического мышления – богословский и религиозно-философский – составляют важную часть наследия отечественной мысли. Поэтому рассмотрение концепций критического мышления требует анализа их обоих.

Богословская интерпретация критического мышления в русской интеллектуальной традиции представлена в трудах отца Георгия Флоровского и В.Н. Лосского. Для них проблема критического мышления является аспектом проблемы теоретической составляющей богословия. Для российской богословской традиции до XX в. вообще характерно некоторое недоверие к богословской теории, обусловленное реакцией на сильное западнохристианское влияние, имевшее место в отечественной религиозной мысли. Как отмечает Георгий Флоровский, эта реакция привела к появлению в Русской церкви «новых гносимахов» – тех, кто стремился отвергать любое теоретическое богословствование, подменяя его «...кто чем – Книгой правил, или Типиконом, или преданием старины, бытовым обрядом, или лирикой души» [Там же]; такой подход богослов оценивает как ересь. Именно в качестве противоядия против «ереси гносимахов» Флоровский и выдвигает философскую критику, поставленную на службу богословию. Разум богослова, вооруженного критическим методом, должен стать орудием против искушений, с которыми сталкивается русская душа. «Богословская поверка» – незаменимое средство против искусов ложного традиционализма и адогматизма [Там же]. Однако этим роль критического мышления в провозглашаемом Флоровским русском богословском возрождении не исчерпывается. По его мнению, главным условием этого возрождения должно стать открытие истории Церкви как основного контекста богословствования. И для этого необходима школа «христианского эллинизма» [Там же], под которым отец Георгий подразумевает следование образцам раннехристианского благочестия и патристического богословия, провозглашая нечто подобное тому «очищению веры», которое применительно к исламской философии заявлял Ш. Марджани [Юзеев, 2001, 160]. И этот возврат к эллинистическим истокам христианской мысли требует критического сопоставления богословских теорий с эталонами правого богословия, данного патристикой. Через эту богословскую критику должно пройти и наследие русской религиозной мысли.

В богословских трудах В.Н. Лосского проблема критического мышления, не будучи, как и у отца Георгия Флоровского, сформулирована, разрабатывается тем не менее в контексте богословской критики. Наибольшее внимание он уделяет данной проблеме в рамках дискуссии

о софиологии отца Сергия Булгакова, развернувшейся после осуждения книги последнего «Агнец Божий» в 1935 . Московской патриархией. Указывая на смешение личности и природы в богословских суждениях Булгакова, Лосский анализирует критический разбор софиологической доктрины Местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Сергием [Лосский, 2006, 23]. При этом он отстаивает опору на труды отцов Церкви как основной принцип критического мышления в православном богословии [Там же, 53-66]. Если для отца Сергия Булгакова критический анализ христианской догматики является источником его философской системы, то для В.Н. Лосского критическое мышление, напротив, служит орудием против подмены богословия человеческой философией [Там же, 23].

Интересно сопоставление идей отца Георгия Флоровского и В.Н. Лосского с воззрениями западных христианских философов. Так, Этьен Жильсон провозглашает философию посредством укрепления веры через рациональное познание евангельских истин. По его мнению, «...человеческий рассудок служит слову Божию для возрастания его авторитета и веры в него» [Жильсон, 1995, 143]. Жильсон считает, что цели христианской философии – привести разум к вере, обосновать подчинение божественному авторитету, доказать, что Церковь (для автора-католика это понятие равнозначно папской власти) основана Христом, но все остальные аспекты религиозного знания остаются на долю богословия. При этом католический мыслитель уделяет существенно большее – по сравнению со своими русскими православными коллегами – внимание собственно критическому мышлению, которое в его труде выступает под именем *genus philosophandi* [Там же, 149]. Критическое мышление выступает в качестве средства, позволяющего «обратить против врагов их же оружие», светская философия выступает объектом критики с эпохи Декарта. Примечательно, что основаниями критики и источником истины для Жильсона являются не столько Отцы Церкви эпохи раннего христианства, из которых он серьезное внимание уделяет лишь Августину, и даже не Фома Аквинский – основатель его собственной философской школы, а догматико-богословские постулаты римских энциклик XIX-XX вв., т. е. источники, которые являются вторичными по отношению к патристическому наследию, но освящены авторитетом Папы [Там же, 139-158]. Здесь мы наблюдаем коренное расхождение с позицией православных богословов, согласно которой основанием для христианской критики может служить только живое предание Церкви.

Альтернативу богословскому подходу в разработке проблемы критического мышления составил философский подход, наиболее ярко представленный в трудах С.Н. Булгакова. Как и представители православного богословия, Булгаков уделяет принципиальное внимание догматическим основам религии как необходимому основанию критического мышления. По мнению Булгакова, догмат «...не считается с основным требованием логической дискурсии... именно с непрерывностью в мышлении, которая опирается на порождении им своего объекта» [Булгаков, www]. Будучи суждением о понятиях, догмат в то же время не является объектом критики и не подвержен развитию, в отличие от собственно философских суждений. Именно эта черта его природы и составляет, по мнению философа, основу вопроса не только о соотношении философии и религии, но и о возможности религиозной философии как таковой. Булгаков ставит вопрос: «Совместим ли догматизм религии с священнейшим достоянием философствования, его *свободой и исканием истины*, с его правилом – во всем сомневаться, все испытывать, во всем видеть не догмат, а лишь проблему, предмет критического исследования? <...> Где место критике, если царствует догматика?» [Там же]. Однако такая постановка проблемы является предубеждением. Отстаивая возможность критического мышления, опирающегося на предустановленные в догматах веры истины, Булгаков в то же

время отвергает и традиционную для Запада, усвоенную отечественными теологами концепцию «служанки богословия», которая, по его мнению, дает лишь формальное решение религиозно-философской проблемы. Различие между философией и религией он видит в разном отношении к идее Бога. Для философии, даже религиозной, «...*Бог есть проблема*» [Там же]. Однако принципиальный проблематизм философии не препятствует ей стремиться к пониманию Бога в той мере, в какой Его Бытие может быть раскрыто в человеческом мышлении. Именно в раскрытии Бога, в богоискании он видит задачу критического философского мышления. Однако эта задача и определяет принципиальную слабость религиозной философии, для которой «мышление... достовернее Бога и достовернее мира, ибо и Бог, и бытие взвешиваются, удостоверяются и поверяются мышлением» [Там же]. Философия способна стремиться к истине, но не способна ее достичь, и ее критическое мышление неизбежно ограничено в своих возможностях. Философия и религия должны взаимодополнять друг друга и ни при каких обстоятельствах не могут друг друга заменить.

Заключение

В отечественной религиозной мысли проблема критического мышления разрабатывалась преимущественно в контексте более широких проблем, в частности проблемы связи религии с философией. В процессе ее разработки сложились два основных подхода – богословский и религиозно-философский. Для первого из них, примером которого могут служить труды отца Георгия Флоровского и В.Н. Лосского, характерно отношение к критическому мышлению как к средству противостояния антигностицизму и философскому искажению догматов православия. Второй из названных подходов характеризуется интерпретацией критического мышления как основного средства философского богоискания.

В настоящее время интерес к проблеме критического мышления непрерывно возрастает как в философской среде, так и в обществе в целом. Особенно актуальной проблема критического мышления является для носителей религиозного мировоззрения, для которых согласование их убеждений с современной научной картиной мира и современным гуманистическим мировоззрением становится по мере развития информационного пространства делом жизненной важности. Подходы к проблеме критического мышления, выработанные в русской богословской и религиозно-философской мысли, обретают в связи с этим особую ценность.

Библиография

1. Булгаков С.Н. Свет невечерний. URL: <https://www.vehi.net/bulgakov/svet/000.html>
2. Жильсон Э. Философ и теология. М.: Гнозис, 1995. 192 с.
3. Карташев А.В. Вселенские соборы. Клин: Христианская жизнь, 2002. 685 с.
4. Лосский В.Н. Боговидение. М.: АСТ, 2006. 759 с.
5. Флоровский Г. Пути русского богословия. URL: <https://www.vehi.net/florovsky/puti/index.html>
6. Юзеев А.Н. Татарская философская мысль конца XVIII-XIX вв. Казань: Татарское книжное издательство, 2001. 192 с.

The images of critical thinking in the Russian religious and philosophical thought of the late 19th and early 20th centuries

Egor V. Gromov

PhD in Philosophy, Docent,
Associate Professor at the Department of philosophy and sociology,
Elabuga Institute (branch),
Kazan Federal University,
423604, 89 Kazanskaya str., Elabuga, Russian Federation;
e-mail: gromove@mail.ru

Abstract

The article deals with the problem of critical thinking in the Russian religious philosophy of the 19th and early 20th centuries. Having considered the main approaches to the problem of critical thinking that have been developed in Russian religious and philosophical thought since the second half of the 19th century, the author of the article comes to the conclusion that two main approaches have been adopted in the process of its development—theological and religious-philosophical ones. The former interprets critical thinking as a means of opposing religious agnosticism, the latter views it as a necessary means of philosophical God-seeking. The article pays attention to the fact that the interest in the problem of critical thinking is increasing both in the philosophical environment and in society as a whole. Having studied critical thinking in the Russian religious philosophy of the 19th and early 20th centuries, the author points out that the problem of critical thinking is especially relevant for the bearers of the religious worldview, for whom the alignment of their beliefs with the modern scientific worldview and the modern humanistic worldview is of vital importance in the context of the development of the information space. In this regard, the approaches to the problem of critical thinking developed in Russian theological and religious-philosophical thought acquire special significance.

For citation

Gromov E.V. (2022) Obrazy kriticheskogo myshleniya v russkoi religiozno-filosofskoi mysli kontsa XIX – nachala XX v. [The images of critical thinking in the Russian religious and philosophical thought of the late 19th and early 20th centuries]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (5A), pp. 12-19. DOI: 10.34670/AR.2022.95.50.002

Keywords

Critical thinking, Russian philosophy, religious philosophy, sophiology, unitotality, religion, Christianity.

References

1. Bulgakov S.N. *Svet nevechernii* [No evening light]. Available at: <https://www.vehi.net/bulgakov/svet/000.html> [Accessed 26/10/22].
2. Florovskii G. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian theology]. Available at: <https://www.vehi.net/florovsky/puti/index.html> [Accessed 26/10/22].

-
3. Gilson É. (1960) *Le philosophe et la théologie*. Paris. (Russ. ed.: Gilson É. (1995) *Filosof i teologiya*. Moscow: Gnozis Publ.)
 4. Kartashev A.V. (2002) *Vselenskie sobory* [Ecumenical councils]. Klin: Khristianskaya zhizn' Publ.
 5. Lossky V.N. (1962) *Vision de Dieu*. Paris. (Russ. ed.: Lossky V.N. (2006) *Bogovidenie*. Moscow: AST Publ.)
 6. Yuzeev A.N. (2001) *Tatarskaya filosofskaya mysl' kontsa XVIII-XIX vv.* [The Tatar philosophical thought of the late 18th and 19th centuries]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.